
ТЕОРИЯ

ИДОЛЫ И ИДОЛОПОКЛОННИКИ: КРАХ ЛИБЕРТАРИЗМА

Статья третья*

Хасбулатов Р. И.**

Продолжающийся глобальный кризис не только выявил внутренние слабости современного мира как саморегулирующейся системы, но и необычайно усилил критику капитализма как общественной системы. Впервые после исчезновения мирового социализма и торжества капитализма возникли самые серьезные основания считать, что современный капитализм далек от совершенства и таит угрозы для общества. Автор развивает мысль о том, что необходима коренная перестройка самих оснований международных хозяйственно-финансовых отношений. В статье дается оценка существующих подходов к решению данной проблемы, а также предлагаются новые решения с учетом реалий российской действительности.

Ключевые слова: социальные революции, реформация, Вашингтонский консенсус, классический либерализм, кейнсианство, неокейнсианство, монетаризм, либертарианство, кризис, депрессия.

The current global crisis has not only revealed the internal weaknesses of the modern world as a self-adjusting system but has also intensified the criticism of the capitalism as a social system. For the first time after the collapse of the world socialism and triumph of capitalism there are strong grounds to believe that the modern capitalism is not so perfect and poses a significant threat to the society. The author considers that the grounds of the international economic and financial relations need a fundamental reconstruction. The article examines the current approaches to solution of the problem and presents new ideas while considering the realities of Russia.

Keywords: social revolutions, Reformation, Washington Consensus, classical liberalism, Keynesianism, neo-Keynesianism, monetarism, libertarianism, crisis, decline.

Вашингтонский консенсус

Политические обстоятельства сыграли в деле взрывного распространения монетарных идей свою особую роль, к ним относятся два следующих ключевых политических события. *Первое* – введение в действие так называемого Вашингтон-

---

* Статьи 1 и 2 см.: «Век глобализации», 2011, № 1, 2.

** Хасбулатов Руслан Имранович – чл.-корр. РАН, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова. E-mail: hasbulatov@gea.ru.

ского консенсуса. *Второе* – принятие этого документа российской президентско-правительственной властью в качестве базы реформирования.

Обреченность намеченных правительством Б. Н. Ельцина реформ стала совершенно очевидной вскоре после того, как я подробно ознакомился с основными программными документами, в том числе с Вашингтонским консенсусом. История его возникновения вкратце такова. Все 1980-е гг. развивающиеся страны, особенно латиноамериканские, находились в сильнейшем долговом кризисе. МВФ и Вашингтон предпринимали все возможные меры, чтобы вывести Латиноамериканский континент как регион особых интересов Америки из финансового кризиса. Был, в частности, утвержден специальный план Брэйди (по имени министра финансов США), предполагающий мощную финансовую помощь этим странам, списание большей части долгов, либерализацию торговли и т. д. Ничто не помогало – страны континента все глубже погружались в трясину финансового и экономического кризиса. Вот тогда, в конце 90-х г., и появилась на свет пресловутая программа Вашингтонского оздоровления экономики стран – должников Латинской Америки, позже названная консенсусом. Автором разработки был профессор Дж. Уильямсон из Института мировой экономики Петерсона Гарвардского университета, который работал под патронажем министерства финансов США и МВФ [см.: Williamson 1990: 1–3]. Программа получила наименование «Вашингтонский консенсус» в силу того, что большая группа ее разработчиков из разных университетов, собравшись в Вашингтоне, согласилась с главными положениями, основанными на синтезе идей монетаризма и неолиберализма, осуществленном М. Фридманом и рядом других аналитиков (Ф. Хайек).

«Вашингтонский консенсус» как экономическая программа был предназначен первоначально, как выше отмечено, для группы латиноамериканских стран, находившихся в безнадежной долговой зависимости. И главной задачей этой программы было достижение такой стабилизации, которая обеспечила бы возврат долгов американским банкам. Этим странам и было предложено принять «Вашингтонский консенсус», программа которого включала 10 пунктов:

- приватизация экономики;
- финансовая дисциплина;
- сокращение государственных расходов;
- реформа налогообложения;
- финансовая либерализация;
- ценовая либерализация;
- торговая либерализация;
- достижение конкурентоспособности валютных курсов;
- открытие границ для прямых иностранных инвестиций (и свободного выезда капиталов из стран);
- укрепление имущественных прав собственников.

Некоторые страны Латинской Америки рьяно взялись за проведение соответствующих «реформ» под надзором американских консультантов и МВФ. И тут же поплатились: мощные социальные выступления смели целый ряд правительств, и большинство стран полностью или частично отказались от этого «консенсуса». Так бесславно провалился Вашингтонский консенсус в Латинской Америке, и, что интересно, это произошло в 1989–1990 гг. Тем не менее целый ряд его поло-

жений так или иначе были введены в экономическую политику многих развивающихся стран под жестким давлением министерства финансов США, Госдепартамента и МВФ.

Трагические последствия для России: разрушение без созидания

«Консенсус» привез в Москву хитроумный М. Камдессю, исполнительный директор МВФ. Он встретился со мной, и мы долго обсуждали этот документ. Я прямо заявил, что Верховный Совет не примет программу, основанную на этих положениях. Но Б. Н. Ельцин оказался сговорчивым. Десятки американских специалистов разрабатывали для правительства «мероприятия», которые проводились на практике исполнительными распоряжениями и указами президента. Это и вызвало известный хаос и мощный процесс деиндустриализации в народном хозяйстве страны. Все критически относившиеся к такой политике немедленно объявлялись «врагами реформы», в том числе председатель Верховного Совета, они подвергались остракизму в российских СМИ (в газетах, журналах, на радио и телевидении), клеймились в американских и европейских СМИ и политических кругах, противопоставлялись «демократу» Ельцину и «реформатору» Гайдару, этому бездарному исполнителю чужой воли. Поэтому «заграница» не только позволила Ельцину расстрелять Верховный Совет и установить в России авторитарный режим, но и обеспечила две следующие геополитические задачи: во-первых, предельно ослабила экономические позиции России в мире до такой степени, что она лишилась реального влияния в мировой политике; во-вторых, прочно «привязала» к своим потребностям сырьевой потенциал нашей страны на десятилетие вперед, «обеспечив» разрушение передовых отраслей машиностроения, в том числе станко-, приборостроения; оказались отброшенными на десятилетие назад уровень жизни, культура, наука и образование.

Следует отметить, что целый ряд известных не только российских, но и западных аналитиков изначально громко заявили об ущербности экономической политики России, навязанной ей МВФ и американским правительством (Дж. Гэлбрейт, лауреат Нобелевской премии П. Самуэльсон, Василий Леонтьев и др.). Другой лауреат Нобелевской премии, Дж. Стиглиц, позже писал: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [Стиглиц 2011].

Странные «реформаторы» – они выбрали самый худший из всех возможных вариантов, отвергнув даже первоначальный, согласованный в ходе обсуждения между Верховным Советом и президентом еще весной 1991 г., до появления на политической сцене этих самых «странных реформаторов», одержимых разрушением, но не созиданием. В печати неоднократно цитировались слова, сказанные президентом Б. Клинтон на совещании начальников штабов США в 1996 г.: «Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием: мы получили сырьевой придаток... Нынешнее руководство страны (то есть России. – *Р. Х.*) нас устраивает во всех отношениях» [см.: Речь...].

Суммарные потери Российской Федерации за период 1991–1996 гг. превысили утраты в Великой Отечественной войне. Приведем ряд показателей из официальной статистики лишь в области сельского хозяйства в сравнительном аспекте,

за 1990 г. и 2006 г. Так, численность сельскохозяйственных организаций на эти годы составляла: в 1990 г. – 25,8 тыс. ед., в 2006 г. – 16,9 тыс. ед.; уровень рентабельности: в 1990 г. – 37 %, в 2006 г. – 10 %; доля убыточных хозяйств: в 1990 г. – 3 %, в 2006 г. – 32 %; посевная площадь (в млн га): в 1990 г. – 112,1; в 2006 г. – 48,2; поголовье крупного рогатого скота (млн голов): в 1990 г. – 35,3; в 2006 г. – 10,5; свиней (млн голов): в 1990 г. – 23,5, в 2006 г. – 8,2; овец и коз (млн голов): в 1990 г. – 46,5; в 2006 г. – 3,9. С тех пор ситуация изменилась к лучшему, но не так радикально, как об этом во всеуслышание заявляют высокопоставленные должностные лица.

При этом поражали темпы сокращения сельского хозяйства и животноводства – одинаково высокие и в 1990-х, и в 2000–2007 гг., вплоть до последних лет. Ныне имеется также много сомнений относительно достижений. Спрашивается, к примеру, зачем нужно экспортировать зерно, когда в огромных объемах завозятся корма для скота, мука, мучные изделия и пр.? Надо отметить, однако, что санкции, введенные Западом против РФ в связи с украинскими событиями, и анти-санкции России сыграли некоторую положительную роль для развития сельского хозяйства и животноводства. Но, похоже, пользу из этого извлекает быстро растущая дюжина аграрно-животноводческих и иных корпораций-гигантов, монополизирующих эти отрасли; а фермерства как не было, так и не предвидится. Соответственно, удел села – дальнейшее разорение.

На невозможность добиться позитивного результата «реформ», базируясь на этих идеях, я указывал на съездах народных депутатов в 1992–1993 гг., заседаниях Верховного Совета, в публичных выступлениях, монографиях и множестве статей на всем протяжении 1990-х гг. и в последующие годы, а также в выступлениях на международных конференциях, в беседах с представителями международных организаций и учеными разных стран. С аналогичных позиций выступали и некоторые другие отечественные аналитики, но нас не хотели слышать, обвиняли в попытках «реставрации СССР и коммунизма». И лишь с конца 90-х гг. началось критическое осмысление монетаризма на Западе, в том числе в исследованиях международных организаций системы ООН, в которых прямо подчеркивалось губительное воздействие идей Вашингтонского консенсуса на развивающиеся и переходные страны. Однако серьезное осмысление на Западе началось только в ходе и после глобального кризиса 2008–2010 гг. В то же время в России уже четверть века неизменно проводится в жизнь экономическая политика, основанная на Вашингтонском консенсусе. Лишь в недолгий период нахождения во главе правительства академика Е. Примакова эта тенденция была остановлена. Я думаю, что страну спасло провидение – необычайный рост цен на нефть и газ принес государству огромные денежные ресурсы, которые «перекрыли» грубые ошибки правящих кругов в 2001–2015 гг.

Конец эры доминирования либертаризма

Глобальный кризис, возникший в 2008 г., положил конец эпохе доминирования в экономической политике стран Запада либертарианства в духе монетарных идей М. Фридмана. Ранее я писал о том, что выдающийся американский экономист профессор Пол Самуэльсон называл это течение **либертаризмом**, *экстремистским ответвлением либеральной экономической мысли*. В самый разгар мирового кризиса в 2009 г. в своем интервью немецкому журналу *Die Welt* Самуэль-

сон выразился следующим образом: «Очень жалко, что Фридман не дожил до наших дней, чтобы увидеть разрушительные последствия торжества своих экстремистских идей» [Die Welt 2009]. Таким образом, один из самых известных в мире экономистов называет данное направление теории и основанную на ней экономическую политику, буквально навязанную всему миру, *экстремизмом!* В унисон высказался и лауреат Нобелевской премии Пол Кругман, заявив, что «фридмановская теория никогда не была научной теорией, а скорее – политической идеологией» [см.: Кругман 2009]. Но не об этом ли я говорил и писал еще в 1992–1993 гг.? «Что-то надо делать с капитализмом», – заявил президент Франции Н. Саркози в 2009 г., в том же духе высказалась канцлер Германии Ангела Меркель. А тем временем идет процесс ускоренного демонтажа всех либерально-монетарных конструкций системы экономического регулирования. Происходит «возвращение» в политику неокейнсианцев (при яростном сопротивлении неолибералов-монетаристов). Конечно, речь не может идти о простой замене догматической политики либертарианцев традиционным кейнсианством – это невозможно. Но наблюдается дефицит стратегических идей, идет процесс их поиска и отбора. В том числе относительно новой роли государства, его «экономической ниши», участия общества в экономической политике, ограничения деятельности крупных банков и корпораций, их чрезмерных доходов и т. д.

Даже известные столпы неолиберализма становятся на позиции кейнсианского регулирования в Америке и Западной Европе. Следовательно, речь идет о мощном сдвиге в идейно-теоретическом осмыслении самой концептуальной базы политики, о понимании необходимости ухода от традиционных догматических и реакционных экстремистских неолиберально-монетарных идей, о том, что снова стала доминировать известная ключевая мысль Кейнса о невозможности самостоятельного бескризисного развития современного капитализма – без опоры на государственное экономическое вмешательство. Соответственно, отвергается ключевая идея неолиберальной теории относительно того, что капитализм может и далее развиваться исключительно на базе «невидимой руки рынка». В настоящее время на Западе идет процесс поиска новых стратегических идей одновременно с включением в качестве регуляторов арсенала кейнсианских методов регулирования. Соответственно, быстро «вычищаются» носители прежних, ортодоксальных неолиберальных идей в финансово-экономическом блоке правительства – их время ушло.

Однако приход к власти в США президента-суперлиберала изменил эту ситуацию, сегодня мы еще не знаем, что конкретно будет предпринято в экономической политике США.

В России по-прежнему правят бал догматики-реакционеры

В России «все по-старому», здесь правит бал старая неолиберально-монетарная гвардия, крайне реакционно-догматическая, фундаменталистская и социально безответственная. Если говорить о новых стратегических идеях, российское руководство показывает их отсутствие – как во внутреннем, так и в международном плане. По сути, никаких новых идей ни во внутренней, ни во внешнеэкономической политике не выдвинуто. Идея модернизации и инноваций должна опираться на широкие преобразования во всей экономической системе на базе современного машиностроения. Но последнего просто нет – оно уничтожено. Данная

идея требует не «узкого» подхода, а модернизации ключевых отраслей промышленности, создания новых транспортных коммуникаций, наращивания потенциала науки и образования, производственной и социальной инфраструктуры, развития сельского хозяйства. И конечно, преобразования управляющей системы на федеральном уровне прежде всего. Похоже, в руководящих кругах нет понимания того, что происходит в мире, хотя они готовы во всеоружии противостоять ему на «всех фронтах» – от украинского до ближневосточного и т. д. Они не понимают того, что старые идеи, которыми они руководствовались, отброшены прочь глобальным кризисом, повсюду идет процесс реанимации неокейнсианских и прагматических элементов политики с позиций интересов общества, с позиций достижения большей социальной справедливости и сокращения разрывов в распределении национального дохода. Что могут предложить эти догматики? Оказывается, ничего.

Отсюда – и отсутствие серьезного теоретического обоснования «нового курса» в российской экономической политике (за его неимением). Мощное инфраструктурное строительство (создание стратегических дорог, коммуникаций и пр.), промышленное освоение обширных территорий страны с опорой на государственный сектор – вот что следовало бы считать приоритетными задачами на протяжении последних лет, когда казна была переполнена нефтедолларами. Этого направления политики как не было, так и нет. Поэтому промышленная зависимость от мировой экономики стала чрезмерной. Как ослабить эту зависимость – вот стратегический вопрос. Ответ на него я предлагал с неизменной последовательностью начиная с 1992 г. Это перенос центра тяжести на развитие собственной промышленной базы и сельского хозяйства, что невозможно лишь на базе «рынка», опора на экономическую деятельность государства как на федеральном, так и на провинциальном уровнях. Правда, в связи с западными санкциями кое-что пришлось делать самим.

Одна из главных проблем, обозначившихся в процессе глобального кризиса, – ухудшение уровня жизни населения, включая средний класс, в то время как очень незначительная часть общества контролирует большую часть национального богатства; бюрократия также значительно обогатилась за счет массивного вливания колоссальных бюджетных ресурсов.

Явная несправедливость в сегодняшнем мире вызывает все большее возмущение большинства народов, в том числе в ЕС, США, СНГ, на Арабском Востоке, в Азии и Латинской Америке. Почти невозможно избежать массовых социальных выступлений против такой политики, поскольку невозможно предположить осознание политическими элитами необходимости радикальных изменений социального порядка в своих странах для устранения вопиющей несправедливости в распределении материальных благ, реальных прав и свобод.

Первыми, как представляется, будут «рушиться» слабые, внутренне неустойчивые страны, для которых характерны огромные перекосы в уровне жизни населения – то есть такие, как большинство бедных стран Азии и Африки, а также бывших социалистических государств Европы и Азии. Их деловые и политические элиты направили все устремления на личное обогащение и продление своего нахождения у власти, не оставив никакого выбора гражданам своих стран; они мгновенно «забыли», почему всего каких-то 25 лет тому назад общества сделали свой выбор в пользу капитализма, полагая, что на этом пути люди приобретут

и материальный достаток, и политические права, и гражданские свободы. Их обманули – они стали еще менее обеспеченными и в еще большей степени лишлись этих самых прав и свобод. Это относится и к России, и даже в большей степени к ней, чем к другим странам.

Но и в более развитых традиционных центрах капитализма быстро нарастают разочарование и недовольство существующим положением. Государства непрерывно расширяют сферы принуждения, становящиеся все более тотальными, неизменно сокращаются права и свободы гражданина при резком, взрывном росте экспансии государства и разрыве социальной стратификации. На одном полюсе общества концентрируется узкая группа сверхбогачей, на другом – огромная масса нуждающихся, число которых катастрофически растет даже в самой богатой стране мира – США. Таким образом, зона государственного принуждения все более расширяется при одновременном сокращении зоны человеческой свободы. Французский философ Бернар Лавернь, исследуя еще в 30-х гг. XX в. процесс наступления государства на права личности, искал возможности «примирения» сильной власти и уважения к правам и свободам человека. «Имея дело с людьми добрыми и справедливыми, было бы нетрудно установить удовлетворительный политический строй. Но политический гений народов состоит в том, чтобы установить такой приемлемый строй, опираясь как раз на алчных и ограниченных существ, каковыми являются почти все люди, в том числе избираемые в качестве правителей» [Lavergne 1933], – таковыми были суждения этого прозорливого мыслителя, труды которого были изъяты еще нацистами после оккупации Франции.

Тоталитарные системы XX в. породили стойкое отчуждение между человеком и государством, отторжение любой формы гнета государства над обществом. Появилось всеобщее ощущение неосознанного страха перед государством. По сути, мало что осталось от былых толкований государства как результата общественного договора, стоящего на службе обществу, а правительства – как наемных служащих, ответственных перед народом. И тоталитарные системы, и демократические, и их неразумные правители – все они в одинаковой мере внесли свой немалый вклад в дискредитацию государства повсюду в мире. Поэтому вполне объяснимо стремление общества, порой бессознательное, к отстранению государства от участия в тех сферах жизни, когда оно (это участие) представляется избыточным. Отсюда и предпочтение тем подходам, которые обосновывают «нежелательность» присутствия государства в экономике. Таким образом, не следует упрощенно подходить к ним, пытаться видеть в одних исключительно «прогрессивное» начало, в других – «начало реакционное»; и те и другие – продукт общественного развития на определенных этапах эволюции, соответствующих складывающимся эволюционным или революционным условиям. Иногда засилье бюрократии вызывает отвращение не столько к ней – бесчестным чиновникам, а к государству. Это, похоже, и произошло в Америке, в которой трудовой люд избрал господина Д. Трампа своим президентом, полагая, что он будет на стороне трудящихся, а не бюрократов и «кровопийц с Уолл-стрит».

Однако любая социальная теория имеет свои пределы, диктуемые определенными факторами, свойственные данному уровню развития общества во времени и пространстве. Не существует социальных теорий, «верных навсегда», что самым лучшим образом показали марксизм и его экономическое поражение в СССР и других социалистических странах. Не потому, что теория была неверна,

а потому, что она нуждалась в развитии. То же самое произошло (и продолжает происходить) ныне с неолиберальными (либертариистскими) теориями. Они превратились в свою противоположность, то есть перестали играть позитивную роль, которую до некоторой степени, возможно, выполняли в предыдущие десятилетия. Прославляя ничем (и никем) не ограниченную «свободу рынка», понимаемую как универсальный регулятор, которым правят крупные корпорации (отрицающие эту самую «свободу рынка»), либертарианская политико-экономическая и мировоззренческо-культурологическая пропаганда фактически подчинила свободную волю индивида всепожирающей и развращающей силе денег. Она трансформировала государство в откровенную силу (механизм насилия), защищающую узкую группу богачей-нуворишей, превратила современного человека в раба денежного успеха, который готов совершить любое преступление ради личного обогащения. Так называемая «протестантская мораль» (она прославлялась в период расцвета кейнсианства), которая якобы (по Макс Веберу) явилась важнейшим фактором процветания англосаксонских стран, оказалась выброшенной под натиском «новой морали» – потребительской неолиберально-монетарной идеологии. Произошел морально-этический и нравственный откат обществ от великих тысячелетних традиций, переходивших из поколения в поколение, – по мере распространения идей «абсолютной свободы рынка», открывших возможности быстрого формирования разрыва между «праздным классом» (по Т. Веблену) и абсолютным большинством общества. Неравенство и несправедливость – вот главные определяющие признаки того типичного «либерального государства», которое стало продуктом трансформационного процесса в последние десятилетия.

Поскольку дискредитация государства – это конкретная историческая реальность, воплотившаяся в догму, она оказывала огромное влияние на мировое научное сообщество, в частности в сфере общественной мысли, подвигая к идее неограниченной «свободы» предпринимательства. Человек постепенно становится рабом рынка, культивируемой этим рынком новой морали и псевдокультурных ценностей. Государства же заняли позиции нейтральных наблюдателей в происходящем процессе разложения общества, жестко охраняя, однако, политические режимы и экономические порядки. Это тоже не случайно: увод общества от социально-политической реальности любыми путями – это его современная функция, в значительной мере реализуемая на телевидении и в печатных СМИ, что мы хорошо видим на отечественных телеканалах. Пока остается неподконтрольным Интернет, рассматривающийся как угроза для политического класса.

При этом следует отметить следующее обстоятельство: все в большей мере проявляющееся недемократическое поведение государств (или их лидеров, что одно и то же) усиливало указанные выше общественные настроения, способствовало восприятию государства как враждебной человеку силы повсюду, в том числе в самых передовых западных странах (может быть, исключая небольшое число малых европейских, в том числе Скандинавских стран). Эти общества попали в «ловушки» установленных ими самими «демократических» систем: в результате произошло снижение интеллектуального уровня правящей политической и деловой элиты; все чаще повторяются случаи, когда в ходе избирательных кампаний отсеиваются, как правило, наиболее способные к лидерству деятели; откровенная пропаганда «серости» (излюбленный прием кандидата: «Я – такой же, как и вы!»), в то время как обществу, государству нужен не «такой, как все», а настоящий лидер) и т. д. В результате произошла негативная трансформация не только дирек-

торов крупных корпораций и банков, но и управляющего класса ведущих держав мира – ими руководят весьма посредственные, «серенькие» личности, даже не мечтавшие оказаться в роли правителей. Это подтверждается неоправданно большим числом банкротств крупных корпораций, банков, да и государств вследствие неспособности менеджмента и политической элиты прогнозировать их будущее или неумения вести даже текущие операции; мошенничество и коррупция стали обычными явлениями как в предпринимательстве, так и в политике. На государственном уровне данный системный дефект не менее выражен – стоит лишь внимательно присмотреться к поведению мировых лидеров (G7) на ежегодных саммитах либо иных встречах высокопоставленных деятелей, и выводы достаточно очевидны. Поэтому те или иные рациональные действия правителей даже обществу порой воспринимаются крайне настороженно, с недоверием. В частности, возможно, в силу не всегда осознанных опасений, внушенных в былые времена всемогущим коммунистическим тоталитарным государством, неразумные действия в 1990-е гг. ельцинистов, утверждающих о «необходимости ухода государства из экономики», а также современные инвективы Путина – Медведева поддерживались и поддерживаются определенной частью интеллектуальных сил общества, инстинктивно осознававших возможную угрозу со стороны новой экспансии государства как враждебной обществу силы. И одновременно люди глухи и слепы в отношении очевидных видимых явлений, свидетельствующих об опасном укреплении силового элемента в системе политического режима.

В настоящее время, после четверти века доминирования реакционной неолыберально-монетарной доктрины в России, убедительно показавшей свою несостоятельность во всем мире, эта настороженность также сохраняется, в том числе в силу отсутствия четко сформулированных теоретически позиций относительно происходящего «явочным порядком» возвращения кейнсианства на Западе, хотя эта тенденция противоречива. Современная неопределенная посткризисная ситуация в мире значительно усиливается в результате непосредственной связи универсального политико-экономического либерализма с пропагандой абсолютной ценности «денежного успеха» и потребительских ценностей. Категории свободы тракуются исключительно как возможности потребления, при этом отбрасываются внутренние мотивы действия (или бездействия) личности, ее морально-этическое восприятие отношений с внешним миром. Культивирование все новых потребностей и новых возможностей их удовлетворения – вот что стало абсолютной целью (и ценностью) в современном «цивилизованном мире».

Кризис государства и глобализация

Кризис проявляется в том, что и Большое Государство, и Большой Бизнес в равной мере потеряли свою моральную привлекательность, выступая как циничная, свекорыстная объединенная сила, противостоящая Обществу. Если Большое Государство олицетворяется с бюрократией и наступлением на личность, то Большой Бизнес – с безграничной и тупой жадностью, лишенной к тому же способностей к созидательной деятельности. Большое Государство, бросающееся ему на помощь в периоды кризисов, во многом порожденных этим же Большим Бизнесом, также теряет свой ореол защитника народа и рассматривается как такая же враждебная сила. Отсюда быстрый рост *отчуждения* между обществом, с одной стороны, и государством и бизнесом – с другой.

Чтобы преодолеть это органическое отчуждение, необходима формационная смена, качественно другое общественно-экономическое и политическое устройство, когда и Власть, и Большой Бизнес в одинаковой мере контролировались бы реально общественными силами, то есть необходим другой *тип социализации власти и капитала*. По-видимому, должна быть изменена вся система доминирования крупных частных банков и корпораций – этих рассадников зла, несправедливости и провокаций. На смену должна прийти альтернативная социальная система с преобладанием общественной, коллективной, кооперативной, индивидуальной, групповой и иных форм собственности, но без покушений на принцип частной собственности.

Политическое же устройство должно исключить любые формы использования в выборных процессах денежного фактора (не должно быть даже малейшей причастности к этому), свободная конкуренция людей и их идей – вот что должно быть определяющим в новой системе государственной власти. Ельцинская модель государства – это, несомненно, вторичная, привнесенная модель, из которой при этом тщательно были удалены позитивные элементы, но встроены демагогические декларации и авторитарные конструкции. Она должна была неминуемо взорваться после 1998 г., когда во всей уродливой мощи проявился системный кризис ельцинизма (известный «дефолт»). Его, однако, спасло, как мы указывали ранее, провидение, ниспослав мощный неиссякаемый поток нефтедолларов, который наследники ельцинизма так толком и не сумели использовать, во всяком случае, на благо народа. Но он был использован для укрепления могущества политического режима. Хотя надо понимать, что усиление политического режима – это не есть усиление государства. В истории бывают и такие ситуации, когда при мощных политических режимах государства распадаются.

Российский опыт показывает, что *укрепление государственного режима не есть укрепление самого государства*. В слабых и бедных государствах правители всячески пытаются усилить свою личную власть через политический режим, то есть способы и инструменты приведения в действие государственной власти. Происходит экспансия бюрократического аппарата из верных правителю соратников, укрепляются карательные функции государства, возрастает численность военно-правоохранительных элементов государства – армии, внутренних войск, спецслужб, специально подготовленных военизированных подразделений для борьбы с «преступностью», особенно с «терроризмом», но на деле предназначенных для подавления общественных антиправительственных выступлений. При этом правителям кажется, что происходит консолидация государства, его целостность, что оно таким образом усиливается. Но это далеко не так. Для подлинного укрепления государства необходимо, чтобы граждане реально убеждались: их Власть действует в направлении достижения *справедливости* в обществе.

Быстро растущие наднациональные и транснациональные институты осуществляют экспансию в сфере государства, «приватизируют» часть функций, ранее являвшихся прерогативой суверенного государства. Одновременно государство испытывает давление «снизу», когда часть его функций переходит на местный и региональный уровень. Под влиянием этих факторов в свое время появилась доктрина «ограниченного суверенитета».

Суверенитет государства ограничивается новой ролью международных институтов, в сфере международных отношений их становится все больше, особенно разнообразных негосударственных субъектов; их влияние постоянно возраста-

ет. В одних случаях они содействуют стабильности и безопасности, в других – создают угрозы личности и обществу. В частности, стала очевидной дестабилизирующая роль международных террористических организаций, превратившихся в наиболее серьезную угрозу глобальной безопасности. Для борьбы с ними государства увеличивают военные бюджеты. Например, оборонный бюджет США запланирован на 2018 г. в размере более 700 млрд долларов.

Таким образом, суверенное государство перестало быть единственным субъектом миропорядка и все больше вынуждено считаться с новой ролью надгосударственных и негосударственных субъектов в сфере международных отношений. При этом исследователи отмечают, что новые международные субъекты адекватной легитимностью не обладают. Даже решения ООН носят, как правило, рекомендательный характер. Отсюда возрастающая по важности проблема организации и управления сферами жизнедеятельности мирового сообщества. Однако противоречие заключается в том, что в мире, состоящем из национальных государств, регулирование универсальных (надгосударственных) процессов связано с ограничениями власти национального государства. Суть кризиса Европейского союза – прежде всего в этой плоскости, и, очевидно, какое-то решение этого противоречия должно быть найдено.

Казалось бы, должны укрепляться институты ООН как единственной универсальной организации, способной действовать на основе международного Закона во имя справедливости. Но этого не происходит. Становится очевидным, что в эпоху глобализации национальное государство не может сохранить свои функции и суверенитет в прежнем объеме. Но и либертарианская глобализация, по справедливому замечанию С. Рогова, не создает адекватных политических и иных структур, способных интегрировать функции, ускользающие от национальных государств, и использовать их в благих целях на более широком геополитическом пространстве. Вместо этого власть перетекает в международные финансово-экономические организации (МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.), а также в практически никому не подотчетные транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ). Таким образом, на глобальном уровне идеология «ограниченного суверенитета» обретает свое практическое воплощение в иррациональном направлении развития, вне контроля мирового сообщества и участия национальных государств. Внедрение информационных технологий в сферу производства стало основой превращения ТНК, крупных банков и их групп в доминирующую силу мировой экономики и мировых финансов. С появлением глобальных производственных систем возникли новые возможности роста потоков прямых иностранных инвестиций. Около 70 тысяч транснациональных корпораций (ТНК) с сотнями тысяч их иностранных филиалов играют ключевую роль в функционировании всей мировой экономики и глобальной финансовой системы. Как показал целый ряд международных организаций, несколько сотен семейств контролируют более 50 % мировой экономики. В России дифференциация общества наивысшая в мире. Слабый и незначительный средний класс все более сокращается, как шагреновая кожа. На этом фоне рассуждения высокопоставленных должностных лиц о том, что в России «торжествует справедливость», звучат оскорбительно по отношению к обществу. Возможно, они произносятся искренне, в силу незнания реальности. Отечественные ученые и специалисты должны, как мне представляется, более активно участвовать в разработке новой модели пере-

устройства мира и, самое важное, в разработке альтернативной модели социально-экономического развития стран и организации управления обществом.

Резюме

Наверное, в последние годы я провел сотни выступлений и написал десятки работ (и фундаментальных, и в форме научных статей, и публицистических), в которых обобщил некоторые итоги мирового развития и сформулировал ряд предложений для отечественной политики.

▪ Антициклическая и антикризисная политика разрабатывалась и вводилась в рамках общего *кейнсианского (некейнсианского) регулирования*. Данное направление методологии экономической политики, действовавшее все послевоенные десятилетия – самые тяжелые, особенно для европейского капитализма, – было заменено в середине 1970-х гг. синтезом *монетарной и неолиберальной экономических теорий как новой методологии* экономической политики. В условиях современного мирового кризиса эта методология потерпела окончательный крах.

▪ Судя по конкретной деятельности правительств западных стран в области интенсивного наращивания государственного экономического активизма в ходе нынешнего мирового кризиса, они решительно стали на путь реабилитации кейнсианства (его реституции), хотя и воздерживаются от признания этого. Возможно, потому, что неолиберальный монетаризм, позже получивший определение «международного монетаризма», был введен буквально официально – через парламентские акты, рекомендации ОЭСР, МВФ, Всемирного банка. Естественно, кому хочется признаваться в ошибочных решениях?

▪ *Суть главной идеи кейнсианства: современный капитализм не в состоянии* обеспечить свое воспроизводство и бескризисное развитие, *если он не будет опираться на государство*, а также без решительного государственного регулирования. *Суть главной идеи неолиберально-монетарной модели: современный капитализм, как и в эпоху Адама Смита, в состоянии обеспечить свое воспроизводство и бескризисное развитие, если ему не будет мешать государство.*

▪ Стало предельно ясно, что «невидимая рука рынка» не может обеспечить общественные цели без четкого государственного ориентирования на них, обозначения конкретных приоритетов в макроэкономической политике. В научно-экспертном сообществе западных и развивающихся стран идет интенсивный поиск стратегических экономических концепций, связанных с новой ролью государства, общества, с поисками новой модели посткапиталистического развития, с установлением контроля над крупными банками и корпорациями. Но российские так называемые «элитарные» круги все это не интересует: их вполне устраивает современная модель несправедливого общественного и государственного устройства.

▪ Следует признать, что вся предыдущая экономическая политика российских правительств, основанная на догматических постулатах либертарианства, не решила главных задач структурного характера в национальной экономике. Ее нужно решительно менять. Национализации, денационализации (и конфискации) – это обычная политическая практика с глубокой древности, методы политики и больше ничего. Соответственно, «политизация» и идеологизация этих направлений выступает как средство политической борьбы, лишенной объективного подхода. От этого надо отказаться. Следует безусловно национализировать прежде всего

нефтегазовые корпорации – они должны быть исключительно государственными, с четким парламентским и отечественным контролем. Соответственно, следует определить параметры государственного экономического сектора, рассматривая его не как «временное явление», а скорее всего, как фундаментальную базу национальной экономики (некоторые отрасли тяжелой индустрии, ВПК, воздушный и морской флот и т. д.).

▪ Необходимо оптимальное сочетание этих двух видов экономической деятельности, то есть частной и государственной. Никто нигде не доказал преимущества частной собственности перед государственной с точки зрения эффективности. Дело в том, что в дурном государстве все дурно – и государственная, и частная собственность. Обе эти формы – суть тех конкретных общественных отношений, которые складываются в государстве и обществе. По самым достоверным исследованиям, к примеру, эффективность частных компаний значительно уступает бывшим государственным предприятиям при социализме (до 1991 г.); на них ниже производительность труда, но выше – показатели эксплуатации работника, прибавочная стоимость; меньше налоговые поступления и т. д.

▪ Социальная сфера: здравоохранение, образование и просвещение, фундаментальная наука, сфера жилищно-коммунального регулирования – это исключительные области деятельности государства и местных органов власти, в которых не может быть места частному предпринимательству. Они принципиально не являются сферами предпринимательской деятельности. Деятельность частных компаний в этих областях, как это уже наглядно показал опыт, действует угнетающе, не улучшает ситуацию, а приносит множество новых проблем. И, самое главное, многократно увеличивает затраты и населения, и государства. И – что особенно важно – в такой специфической стране, как Россия, с ее необъятными просторами, редконаселенностью и мощными залежами природных богатств, повышенное значение должны иметь государственная и кооперативная формы собственности, а также государственное экономическое вмешательство на всех уровнях власти.

▪ Налоговая система должна быть дифференцированной, а не строиться на принципе единого подхода ко всем категориям; она должна стать инструментом сокращения разрыва в уровне жизни между богатыми и бедными strатами (выполнять функцию перераспределения доходов в пользу бедных слоев населения). При этом не следует взysкивать никаких налогов с граждан, чей уровень дохода меньше размера прожиточного минимума.

За прошедшие годы я неоднократно ставил вопрос о необходимости связать рентные доходы от природных ресурсов с Пенсионным фондом через определенные отчисления (спецналог). Официальные власти не услышали эту идею, но те, кто ее услышал, безо всякой ссылки на автора постарались ее вульгаризировать, предложив «передать в управление Пенсионному фонду нефтегазовый сектор». Согласно моей идее, установление определенного специального налога на все компании, занятые разработкой природных ресурсов, позволило бы достигнуть следующих результатов: во-первых, способствовало реализации конституционного принципа о том, что «природные богатства страны и ее недра являются собственностью народа России». А так как все наши граждане неумолимо становятся пенсионерами, достигнув установленного возраста, данный принцип и мог бы реализоваться в том числе и через этот неизбежный «пенсионный коридор» в жизни. Во-вторых, такой механизм мог бы стать надежным каналом пополнения

ресурсов Пенсионного фонда, испытывающего хронический дефицит средств для пенсионных выплат; последние неизбежно возрастают, в то время как их источники растут меньшими темпами.

▪ Цикличность – это всеобщий, универсальный закон экономических систем, причем любого типа, тем более если страна **прочно** находится в системе международного разделения труда (МРТ). Но он провоцируется и субъективным фактором. Планетарный экономический кризис во многом является следствием глобальной неолиберально-монетарной идеологии, доминировавшей последние три десятилетия в экономической политике большинства стран, в том числе России и ряда других переходных экономик. Идеализация крупных корпораций и банков, их бесконтрольное предпринимательство, направленное на одну-единственную задачу (выколачивание сверхприбылей любой ценой, не считаясь с общественными интересами) – это одна из главных причин возникновения кризиса. Он показал полную непригодность этой доктрины как руководства по экономической политике. Необходима качественно иная парадигма экономической политики, обеспечивающая бóльшую справедливость при распределении общественных благ.

Литература

Кругман П. Возвращение Великой депрессии. М., 2009.

Речь президента США Б. Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 года [Электронный ресурс]. URL: http://pikabu.ru/story/rech_prezidenta_ssha_uilyama_bill_klinton_na_zakryitom_soveshchanii_obedinennogo_komiteta_nachalnikov_shtabov_25_oktyabrya_1995_goda_347746.

Стиглиц Дж. Крутое пике. М., 2011.

Lavergne B. Le gouvernement des démocraties modernes. T. 2. Paris, 1933.

Vor 2012 werden wir keine Erholung erleben // Die Welt. 2009. Januar 20.

Williamson J. Introduction // Latin American Adjustment. How Much has Happened? / Ed. by J. Williamson. Washington, D.C., 1990. Pp. 1–3.